DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.03.03
УДК 327

КОНФЛИКТНЫЙ ПОЛИЦЕНТРИЗМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: КЛАСТЕРНАЯ МОДЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич
кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
SPIN-код: 5422-5163
ORCID: 0000-0003-1982-4678

Для цитирования: *Крылов Д.С.* Конфликтный полицентризм Ближнего Востока: кластерная модель региональной безопасности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 3 (11). – С. 36–48. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.03.03.

Аннотация. Ближний Восток на современном этапе представляет собой уникальную региональную подсистему, характеризующуюся высоким уровнем фрагментации, конфликтности и отсутствием устойчивой архитектуры безопасности. В условиях формирования полицентричного мирового порядка стратегическое равновесие в регионе поддерживается не за счет стабильных оформленных альянсов и блоков, но через динамичные кластерные конфигурации, формируемые вокруг и с участием региональных и мировых акторов (России, США, Китая, Турции, Ирана, Саудовской Аравии, Израиля, Египта и ОАЭ).

В статье предложена типология ближневосточных кластеров по пяти ключевым параметрам: стратегическому вектору, типу управления, легитимности, идейно-ценностному наполнению и модели мобилизации. Особое внимание уделено анализу перекрестных взаимодействий между кластерами, включая кооперацию, соперничество и гибридные формы вовлеченности с негосударственными субъектами. Выявлено, что кластеры функционируют не как стабильные блоки, а как ситуативные коалиции с высокой степенью гибридности, асимметрии и транснационального охвата. Их взаимодействие носит зачастую двойственный характер: конкуренция сочетается с эпизодическим сотрудничеством, а конфликты используются как инструмент геополитического позиционирования. Сделан вывод, что в условиях отсутствия единой архитектуры безопасности на Ближнем Востоке кластерные структуры становятся ключевыми носителями регионального порядка, отражающего стратегические приоритеты и противоречия акторов ближневосточного пространства.

Ключевые слова: Ближний Восток, полицентризм, региональная безопасность, кластеры, прокси, конфликты, региональный порядок, международные отношения.

Confrontational Polycentrism in the Middle East: Cluster Model of Regional Security

Danila S. KRYLOV
PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
SPIN-code: 5422-5163
ORCID: 0000-0003-1982-4678

For citation: Krylov D.S. (2025). Confrontational Polycentrism in the Middle East: Cluster Model of Regional Security. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (11), pp. 36–48. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.03.03.

Abstract. At the present stage, the Middle East represents a unique regional subsystem characterized by a high level of fragmentation, conflict, and the absence of a stable security architecture. In the context of the formation of a polycentric world order, strategic balance in the region is maintained not through stable formal alliances and blocs, but through dynamic cluster configurations formed around and with the participation of regional and global actors (Russia, the USA, China, Turkey, Iran, Saudi Arabia, Israel, Egypt, and the UAE).

The article proposes a typology of Middle Eastern clusters based on five key parameters: strategic vector, type of governance, legitimacy, ideological and value content, and mobilization model. Particular attention is paid to the analysis of cross-interactions between clusters, including cooperation, rivalry, and hybrid forms of engagement with non-state actors. It was found that clusters function not as stable blocs, but as situational coalitions with a high degree of hybridity, asymmetry, and transnational reach. Their interaction is often dual in nature: competition is combined with episodic cooperation, and conflicts are used as a tool for geopolitical positioning. It is concluded that in the absence of a unified security architecture in the Middle East, cluster structures become key carriers of regional order, reflecting the strategic priorities and contradictions of actors in the Middle East.

Keywords: Middle East, polycentrism, regional security, clusters, proxies, conflicts, regional order, international relations.

Современное геополитическое пространство Ближнего Востока является одной из наиболее динамичных и конфликтогенных региональных подсистем, в которой отчетливо проявляется логика полицентричного миропорядка. Регион не просто насыщен множеством взаимосвязанных конфликтов и очагов напряженности, но является ареной пересечения ин-

тересов мировых, кросс-региональных и региональных акторов, каждый из которых стремится реализовать собственные стратегические цели.

Глубокая фрагментация политического пространства, а также присутствие различных негосударственных сил формируют уникальную конфигурацию международной подсистемы. Вместе с этим для Ближнего Востока характерна высокая степень стратегической «концентрированности»: здесь переплетены экономические, энергетические, идейно-ценностные, логистические и военно-политические интересы таких держав, как США, Россия, Китай, Турция, Иран, Израиль, Саудовская Аравия. На фоне обострения конкуренции между ними возрастает значение понимания и исследования динамично меняющегося регионального баланса сил, который зачастую подчиняется логике ситуативных (ad hoc) альянсов, временных коалиций и гибридных форм взаимодействия.

Фрагментация силы региональных акторов в условиях конфликтности

Региональная архитектура Ближнего Востока формируется не вокруг одного доминирующего центра, а за счет конкуренции между несколькими силовыми полюсами, каждый из которых претендует на статус актора с высокой степенью стратегической субъектности. Ведущие державы региона (Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль), а также «малые региональные лидеры» (Египет, ОАЭ и Катар) действуют как центры силы с собственными экосистемами безопасности[1], идейно-ценностными установками и внешнеполитическими инструментами[2].

Каждое из этих государств формирует свою повестку в рамках избранной стратегии: Турция – через проекцию неоосманского и панисламистского дискурса, комбинированного с военной экспансией и гуманитарной дипломатией; Иран – через шиитскую идентичность, сеть прокси-групп и антиизраильскую мобилизацию; Саудовская Аравия – как лидер исламского мира, хранитель святынь и один из лидеров ОПЕК+; Израиль – как военно-технологическая держава, пользующаяся поддержкой правительства США и отдельных представителей американских политических элит и ориентированная на реализацию наступательной доктрины по обеспечению периметра безопасности на территории соседних стран; Египет – как традиционный центр арабского мира, стремящийся вернуть утраченную

[1] Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 14–35. – DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.

[2] Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

региональную роль; ОАЭ – как держава, применяющая цифровую, логистическую и инвестиционную «умную силу» в ключевых точках региона.

Конкуренция указанных центров силы реализуется через оси противостояний (Турция – Саудовская Аравия; Израиль – Иран), пересекающиеся в ключевых зонах региональной нестабильности. Сирия, Йемен, Ливан, Палестина – это не просто конфликтные зоны, но перекрестки проекции интересов: на сирийском поле сталкиваются интересы Ирана, Турции, России, США и Израиля; в Йемене – Ирана, КСА, Израиля, США, ОАЭ; в Ливане – Израиля, Ирана, а также Франции; в Палестине – Израиля, Ирана, США, КСА, Турции, Египта, Катара.

Эти конфликты обладают трансграничной природой, что делает невозможным их локализацию в национальных границах. Они включены в глобальные проблемы секьюритизации, включая ядерную программу Ирана, ближневосточные энергетические маршруты и транспортные коридоры, миграционные потоки, а также борьбу за технологическое и медийное доминирование. Региональные акторы используют элементы не просто «мягкой», но «умной силы» (smart power), совмещая военно-экономические акции с гуманитарными операциями, культурной экспансией, расширением сетей НПО и транснациональных медиаресурсов, усиливая тем самым асимметричность и гибридность воздействия.

Нестабильность в этом контексте является не просто последствием слабости институтов, но функцией самой структуры региональной системы, в которой конфликты становятся инструментом геополитического позиционирования. Это приводит к циклическому воспроизводству нестабильности как механизма балансировки влияний. Региональные акторы не просто конкурируют – они встраивают конфликты в архитектуру своей национальной стратегии, тем самым превращая кризисы в элементы структурного порядка.

Таким образом, противостояния на Ближнем Востоке не выстраиваются сугубо по двусторонним линиям напряженности, но образуют многоуровневую и многостороннюю сетевую геометрию, в которой трансграничность, гибридизация и асимметрия являются не отклонением от нормы, а новой нормальностью. Эта конфигурация делает невозможным создание универсальной региональной архитектуры безопасности без переосмысления самих основ ближневосточного порядка.

Региональный полицентризм и кластерность: тактическое равновесие без единой архитектуры

Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль, Египет, ОАЭ, выступая региональными центрами силы, формируют вокруг себя определенные периферии влияния. Указанные акторы стремятся к расширению пространства безопасности. Их взаимодействие строится преимущественно на основе принципа коалиционной целесообразности, где партнерство

возникает в ответ на конкретные вызовы и исчезает с изменением тактической обстановки.

Такая структура порождает феномен кластеризации – группирование государств во временные блоки исходя из логики совпадения интересов по конкретным вопросам: военно-политическое взаимодействие в Сирии, нефтяные договоренности в рамках картеля ОПЕК+, позиция по иранской ядерной программе и т.п.

Так, в сирийском конфликте, до событий конца ноября 2024 г. одновременно действовали несколько кластеров акторов: Иран, Хизбалла и шиитские силы Ирака – поддерживали правительство Б. Асада до его падения; Турция и Катар – выступали на стороне оппозиции и различных группировок (в особенности в районе Идлиба); Израиль – стремился сдерживать иранское военное присутствие; Россия – выступала в роли гаранта статус-кво и боролась с террористической угрозой; США совместно с курдами, которые контролируют северо-восток Сирии, – также выступали на стороне определенной части оппозиции, но вместе с тем преследовали собственные экономические и военные интересы, контролируя значительное количество нефтяных месторождений и фактически (в отношении политики Вашингтона) оккупируя территорию суверенного государства.

Падение правительства Асада и приход к власти в Дамаске террористической группировки Хайят Тахрир аш-Шам* привели к изменению локального баланса сил: Турция и Катар усилили свои позиции в Сирии, добившись в том числе давно заявляемых целей по отстранению Б. Асада от власти; Иран в значительной мере утратил свой контроль над Левантом[3], потеряв не только прокси-силы в Сирии, но и сухопутные каналы снабжения ливанской Хизбаллы, что ограничило его возможности по влиянию на ближневосточные процессы в целом и на Израиль в частности; влияние России оказалось ограничено территориями военных баз в Хмеймиме и Тартусе; США продолжили удерживать контроль над северо-восточными территориями; а Израиль, в том числе пытаясь использовать друзов, стремится к установлению собственного контроля на южных территориях Сирии, создавая своего рода буферную зону, которая отделяла бы от израильской границы пространства под контролем Турции и ХТШ*.

Указанные политические кластеры не являются военно-политическими блоками или экономическими объединениями. Они не оформлены в стабильные альянсы, а их участники в отдельных случаях могут пересекаться (например, Иран и Турция долгое время вели диалог в рамках Астанинского формата) или вступать в конфликты между собой (идейный конфликт Д. Трампа и Б. Нетаньяху на фоне информации о воз-

[3] Левант – название территорий части стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Иордания, Ливан, Палестина, Израиль).

можных сделках по Газе или Сирии; напряженность между Саудовской Аравией и ОАЭ по вопросам йеменского урегулирования). Кроме того, кластеры чаще всего ситуативны, а потому могут распадаться без серьезных последствий.

Всего по состоянию на конец первой половины 2025 г. на Ближнем Востоке можно выделить шесть больших групп кластеров: проамериканский, проиранский, протурецкий, арабский суннитский кластер (во главе с Королевством Саудовская Аравия (КСА)); пророссийский кластер (в котором участвуют Россия и Китай; в той степени, в которой не возникает противоречий между амбициями и целями Москвы и Пекина), а также условный кластер квазигосударственных объединений, который включает в себя множество террористических и экстремистских группировок, способных консолидироваться под руководством одной из сил.

Не менее важной характеристикой кластера является его конфигурация – структура модели, отражающая способ организации, мобилизации и функционирования групп государств (или негосударственных акторов), объединенных схожими интересами, целями или угрозами. Конфигурация ближневосточных кластеров характеризуется: направленностью во внешней политике – стратегическом векторе, типе управления кластером, легитимностью, идейно-ценностным наполнением, моделью мобилизации.

Подробнее ядра, конфигурации, оценки устойчивости и примерные пространства влияния каждого из кластеров указаны в таблице 1.

Ситуация усугубляется глубокой этноконфессиональной фрагментацией, которая в определенных ситуациях заменяет рациональную логику баланса сил на идейно-ценностный подход. Шиитско-суннитское противостояние (Иран – Саудовская Аравия), ирано-израильская вражда, палестино-израильская конкуренция, турецкий неоосманизм, а также курдский сепаратизм одновременно формируют сложную и мозаичную систему баланса сил, угроз и интересов, где даже минимальные изменения в конфигурации кластеров могут вызывать каскадную дестабилизацию и всплески напряженности, перерастающие в локальные конфликты (операция ХАМАС против Израиля в октябре 2023 г. и ответные действия ЦАХАЛ, падение правительства Б. Асада в ходе наступления Турции и ХТШ* в ноябре-декабре 2024 г., геноцид алавитов в марте 2025 г., ирано-израильский конфликт и обмен ракетными ударами в 2025 г.

Таким образом, ближневосточную конфигурацию можно рассматривать в качестве примера деструктивного полицентризма, когда баланс сил существует не как стабильная система, а представляет собой непрерывную серию конфликтов и «неравновесий», маскируемых под временное равновесие.

Таблица 1

Сравнительная таблица ближневосточных кластеров

Кластер	**Ядро**	**Устойчивость кластера**	**Пространство влияния**
Проамериканский кластер	США, Израиль, Иордания, Египет (в отдельные периоды), курдские силы в Сирии и Ираке	Средняя, зависит от внешнеполитических циклов США	Восточное Средиземноморье, Персидский залив, Север Сирии
Проиранский кластер	Иран, Хизбалла в Ливане, проиранские шиитские формирования в Ираке, Ансар Аллах (хуситы) в Йемене	Средневысокая, на основе долгосрочной лояльности и стабильности самого Ирана	Сирия, Ирак, Йемен, Палестина, Персидский залив
Протурецкий кластер	Турция, Катар, Сирия (ХТШ*)	Средняя, прагматичная, но ситуативная	Сирия, Восточное Средиземноморье, Катар
Арабский суннитский кластер	Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Бахрейн, Иордания	Средняя, зависит от баланса между КСА, ОАЭ и Египтом	Аравийский полуостров, Красное море, Ливия, Йемен
Пророссийско-китайский кластер (условный)	Россия, эпизодически – Китай, Иран, Сирия (при Б. Асаде в 2015–2024 гг.)	Низкая, неформализованная и персонализированная	Сирия, дипломатические форматы, энергетическая инфраструктура
Квазигосударственные образования	Исламское государство*, ХТШ*, различные племенные союзы, движения сопротивления	Низкая, завязана на полевые условия и военные факторы	Северо-Восточная Сирия, Запад Ирака, Южный Йемен

Таким образом, баланс сил зависит от количества (1, 2, 3, … n), локализаций (на отдельной территории, в пределах одной страны, между несколькими государствами или по всему региону), остроты (высокая или низкая степень интенсивности) и охвата (число вовлеченных прямых и косвенных, явных и тайных участников) конфликтов в конкретный момент времени с учетом глобальной турбулентности. Это означает, что для

оценки системы необходим учет не только элементов, связей между ними и среды, но также правил функционирования, трансформационных процессов, а также характера взаимодействия кластеров акторов внутри системы.

Перекрестные взаимодействия кластеров: динамика конфликтного полицентризма

Сеть взаимодействий между ближневосточными кластерами представляет собой нелинейную и двойственную (амбивалентную) систему, в которой кооперация и конфронтация переплетены на множественных уровнях. Эти связи лишены устойчивых институциональных рамок, что делает региональный порядок подвижным и восприимчивым к резким трансформациям.

Наиболее жесткое антагонистическое взаимодействие наблюдается между **проамериканским** (США, Израиль) и **проиранским** (Иран, Хизбалла, Ансар Аллах) кластерами. С 2011 г. их противостояние имеет формы прокси-войн в Сирии (в меньшей степени в конце 2024–2025 гг.), Ираке и Йемене, сопровождается санкционным и кибердавлением, дипломатическим противостоянием и обменом ударами по военным и гражданским объектам (в особенности в ходе эскалации 2024–2025 гг.)[4]. Эпизоды эскалации (например, убийство Касема Сулеймани в 2020 г., а также убийства иранских ученых-ядерщиков и офицеров Корпуса стражей исламской революции) демонстрируют, что в этих отношениях практически отсутствуют механизмы стратегического сдерживания. Региональное равновесие носит вынужденный характер и поддерживается скорее за счет взаимного страха, чем согласия.

Не менее сложным является взаимодействие **протурецкого** и **арабского суннитского** кластеров, конкурирующих за гегемонию в исламском мире. Турция и Катар формируют альтернативную повестку, используя политику «мягкой силы», что вступает в прямой конфликт с монархическим курсом Саудовской Аравии, а также суннитской солидарностью КСА, ОАЭ и Египта. Катарский дипломатический кризис 2017 г. стал ярким проявлением этого конфликта, а постепенное сближение сторон после 2021 г. демонстрирует характерную для региона флуктуацию между конкуренцией и прагматизмом. В этой связи взаимодействие между этими кластерами может быть охарактеризовано как конкурентное сосуществование, когда возможна частичная нормализация отношений без устранения глубинных противоречий.

Взаимодействие между **проиранским** и **арабским суннитским** кластерами носит враждебно-конфликтный и одновременно системообра-

[4] Баскаков И.Д., Русанов И.Д. Ирано-израильская конфронтация. Идеологические аспекты стратегического антагонизма // Свободная мысль. – 2024. – № 6 (1798). – С. 133–146.

зующий характер: именно их противостояние в значительной степени формировало в прошлом архитектуру региональной безопасности («Щит полуострова») и одновременно нестабильности[5]. Основанное на глубинных шиитско-суннитских противоречиях, это соперничество усиливается геополитическим столкновением за контроль над ключевыми территориями и каналами влияния – Йеменом, Ираком, Сирией, Ливаном и зоной Персидского залива[6]. Саудовская Аравия рассматривает Иран как силу, влияющую на существующий порядок через сеть прокси-групп и идеологическую экспансию, тогда как Тегеран воспринимает арабские монархии как инструменты западной гегемонии и угрозу шиитским общинам региона. Незначительное количество каналов коммуникации, использование асимметричных средств – от информационных кампаний до использования прокси-сил и БПЛА – делает это противостояние традиционным источником дестабилизации.

В противоположность этим парам, отношения **проамериканского** и **арабского суннитского** кластеров строятся на более прочной основе стратегического партнерства. США сохраняют военное присутствие и инфраструктуру в странах Персидского залива, а разведывательное сотрудничество, особенно с Саудовской Аравией, укрепляется на фоне иранской угрозы. Несмотря на наличие разногласий по ряду направлений (включая палестинский вопрос и энергетическую политику), альянс США и монархий Залива демонстрирует устойчивость и институциональную подкрепленность[7].

Более амбивалентный характер носят взаимодействия между **протурецким** и **проиранским** кластерами. Формально конкурируя в Сирии, Ираке и на Южном Кавказе[8], они одновременно участвуют в общих платформах (например, Астанинский процесс[9]), стремясь координировать позиции без полного сближения. Это создает эффект кластерного пере-

[5] Крылов Д.С., Останин-Головня В.Д. Эволюция и перспективы ближневосточных архитектур безопасности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 69–91. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.06.

[6] Останин-Головня В.Д., Баскаков И.Д. Ирано-саудовские отношения после 1979 г.: интересы в зоне Персидского залива // Современные востоковедческие исследования. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 82–93. – DOI: 10.24412/2686-9675-1-2024-82-93.

[7] Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.

[8] Гузаеров Р.И., Баскаков И.Д. Иран и Турция после Второй карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 3 (64). – С. 138–152. – DOI: 10.20542/2073-4786-2024-3-138-152.

[9] Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 97–102. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102.

крытия, когда коалиции могут одновременно конфликтовать и взаимодействовать, в зависимости от сферы (военная, дипломатическая, энергетическая). Такая амбивалентность – типичная черта ближневосточной мультиполярности, где горизонтальные связи обладают высокой вариативностью.

Сходная логика наблюдается и во взаимодействии **пророссийско-китайского** и **проиранского** кластеров. Совместная поддержка правительства Б. Асада (до начала декабря 2024 г.), оппозиция американской экспансии в регионе сближают эти силы, однако асимметрия потенциалов и различие в стратегических целях не позволяют им оформить кластер как полноценный блок, даже несмотря на наличие стратегических договоров[10]. Россия действует как внешняя, но встроенная держава, Иран – как региональный ревизионист, использующий Россию для укрепления своих позиций. Их взаимодействие можно охарактеризовать как антисистемную координацию с ограниченной институционализацией.

Взаимодействие между **протурецким** и **проамериканским** кластерами, особенно в контексте сирийского конфликта, отличается двойственностью и высокоасимметричной координацией, в которой эпизодическое сотрудничество сочетается с глубокими структурными противоречиями. На уровне стратегических целей оба кластера декларируют стремление к сдерживанию Ирана, стабилизации Сирии и недопущению возрождения Исламского государства*, однако их практические действия на местах нередко расходятся с заявленными целями. Так, центральным источником напряженности является курдский фактор: в то время как США опираются на Сирийские демократические силы и отряды курдской самообороны, Турция рассматривает курдский сепаратизм и независимость как одну из ключевых угроз национальной безопасности и интересам. Это расхождение делает вопрос координации крайне сложным, несмотря на периодические попытки разделения зон влияния и предотвращения инцидентов[11]. Кроме того, Анкара последовательно продвигает собственную повестку через союз с сирийскими оппозиционными силами, включая умеренные и радикальные группировки (в том числе ХТШ*), что вызывает определенную озабоченность в Вашингтоне и Израиле[12]. При этом обе

[10] Парламент Ирана утвердил договор о стратегическом партнерстве с Россией // РБК. – 16.06.2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/684f3e0b9a79476cc3eb6c0a (дата обращения: 30.06.2025).

[11] Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1 (66). – С. 134–149. – DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149.

[12] Reuters узнал, что Израиль лоббирует сохранение баз России в Сирии // РБК. – 01.03.2025. – URL: https://www.rbc.ru/politics/01/03/2025/67c278839a79478b0b9112a8 (дата обращения: 19.05.2025).

стороны стремятся избежать прямого столкновения и сохраняют линии коммуникации.

При этом многие кластеры – от проамериканского до проиранского – активно взаимодействуют с квазигосударственными структурами: курдскими отрядами, шиитскими милициями, суннитскими ополчениями, исламистскими группировками. Эти силы служат одновременно и инструментом внешнеполитического давления, и источником внутренней нестабильности. Их привлечение разрушает формальные границы между государственными и негосударственными акторами. Это делает возможным одновременное сотрудничество с теми же силами, которые в других конфигурациях воспринимаются как угроза (пример – сотрудничество США с курдами, несмотря на протесты Турции).

Таким образом, перекрестные взаимодействия между ближневосточными кластерами формируют динамичную, фрагментированную и конфликтную сеть, в которой нет устойчивой иерархии, а баланс достигается не через институциональное сдерживание, а через перераспределения тактических коалиций-кластеров.

* * *

Современное геополитическое пространство Ближнего Востока демонстрирует черты нестабильного полицентризма, при котором сила и влияние распределены между несколькими соперничающими центрами. В отсутствие устойчивой архитектуры региональной безопасности стратегическое равновесие обеспечивается за счет ситуативных коалиций, прокси-взаимодействий и гибридных моделей мобилизации. Исследование показало, что ближневосточная подсистема обладает высокой степенью системной конфликтности, где каждый из региональных кластеров стремится не столько к стабилизации, сколько к формированию благоприятной для себя конфигурации кризисов и неравновесий.

Ключевые региональные акторы – Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль – действуют как автономные центры силы, применяющие конкурирующие стратегии влияния. Вместе с транснациональными и квазигосударственными структурами они формируют сложную сеть кластеров с уникальными конфигурациями по пяти параметрам: стратегическому вектору, типу управления, легитимности, идейно-ценностному наполнению и модели мобилизации. Эти конфигурации определяют как устойчивые элементы геополитического проектирования (например, институционализация суннитского альянса), так и нестабильные и параллельные механизмы координации (например, иранские прокси-сети).

Анализ перекрестных взаимодействий между кластерами выявил отсутствие единого центра и фиксированных границ влияния. Практика тактических совпадений и расхождений, временных альянсов и двойственного соперничества формирует региональную многослойную геометрию

конфронтации. Даже те коалиции, что исторически ориентированы на стратегическое партнерство (например, США и арабские монархии), демонстрируют признаки расслоения интересов. При этом именно конфликты, включая сирийский, йеменский и палестинский кейсы, становятся точками пересечения интересов и балансировки сил ближневосточных кластеров.

Таким образом, Ближний Восток представляет собой не только «узел» глобального стратегического соперничества, но и уникальный полигон трансформации региональных подсистем в условиях полицентричного и нестабильного миропорядка. В этих условиях выстраивание эффективной стратегии взаимодействия с регионами требует отказа от универсальных схем и признания динамизма в качестве основной черты ближневосточной безопасности, весьма точно отражающей уникальную региональную специфику.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 14–35. – DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.
2. Баскаков И.Д., Русанов И.Д. Ирано-израильская конфронтация. Идеологические аспекты стратегического антагонизма // Свободная мысль. – 2024. – № 6 (1798). – С. 133–146.
3. Гузаеров Р.И., Баскаков И.Д. Иран и Турция после Второй карабахской войны // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 3 (64). – С. 138–152. – DOI: 10.20542/2073-4786-2024-3-138-152.
4. Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.
5. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке как способ противодействия экспансионистской политике США // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 97–102. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-97-102.
6. Крылов Д.С., Останин-Головня В.Д. Эволюция и перспективы ближневосточных архитектур безопасности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 69–91. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.06.
7. Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1 (66). – С. 134–149. – DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149.
8. Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.

9. Останин-Головня В.Д., Баскаков И.Д. Ирано-саудовские отношения после 1979 г.: интересы в зоне Персидского залива // Современные востоковедческие исследования. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 82–93. – DOI: 10.24412/2686-9675-1-2024-82-93.
10. Парламент Ирана утвердил договор о стратегическом партнерстве с Россией // РБК. – 16.06.2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/684f3e0b9a79476cc3eb6c0a (дата обращения: 30.06.2025).
11. Reuters узнал, что Израиль лоббирует сохранение баз России в Сирии // РБК. – 01.03.2025. – URL: https://www.rbc.ru/politics/01/03/2025/67c278839a79478b0b9112a8 (дата обращения: 19.05.2025).